

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Исаак ГОЛЬДБЕРГ

ГРОБ ПОДПОЛКОВНИКА НЕДОЧЕТОВА

Одним из интереснейших прозаиков в литературе Сибири первой половины XX века был Исаак Григорьевич Годьдберг (1884 — 1939).

Ис. Гольдберг родился в Иркутске, в семье кузнеца. Будущему писателю пришлось рано начать трудовую жизнь. Удалось, правда, закончить городское училище, но поступить, как мечталось, в Петербургский университет не пришлось: девятнадцатилетнего юношу арестовали за принадлежность к группе «Братство», издававшей нелегальный журнал. Ис. Гольдберг с головой окунается в политические битвы: он вступает в партию эсеров, активно участвует в революционных событиях 1905 года в Иркутске. В 1907 году его ссылают сначала в Братский острог, потом на Нижнюю Тунгуску, где пробыл он вплоть до 1912 года. Творческим итогом этой ссылки стала книга «Тунгусские рассказы», где повествуется о тяжелой судьбе эвенков. И хотя печататься Ис. Гольдберг начал рано, известность ему принесла именно эта книга, ставшая для него своего рода аттестатом творческой зрелости.

Однако подлинный расцвет таланта Ис. Гольдберга начался в 20-х годах. К этому времени автор отходит от политической деятельности и полностью сосредоточивается на литературе. Писателя надолго захватывает героика гражданской войны, борьба против колчаковщины, нашедшие отражение в рассказах «Человек с ружьем», «Бабья печаль», «Попутчик», «Цветы на снегу», «Сладкая полынь» ну и, конечно же, — в большом цикле «Путь, не отмеченный на карте», пронизанном сквозной мыслью о неизбежной гибели колчаковщины. Причин такой «неизбежности», по мысли Ис. Гольдберга, две: могучий натиск восставшего народа Сибири и разложение внутри самого колчаковского воинства. И то, и другое Ис. Годьдбергу удалось художественно убедительно доказать в своих произведениях о гражданской войне и прежде всего в одном из лучших своих повествований «Гроб подполковника Недочетова».

В центре его — колчаковцы, убегаящие от народного возмездия, которые не брезгают ничем ради спасения своей шкуры и награбленных ценностей. Ис. Гольдберг держит читателя в постоянном напряжении и упругой пружиной интриги с неожиданными ситуациями и ходами, и динамичностью. Вместе с тем каждый из персонажей обрисован им психологически очень точно и глубоко, сущность каждого высвечивается, что называется, до доньшка.

И «Гроб подполковника Недочетова», опубликованный журнале «Сибирские огни» в 1924 году (№4), и большая часть других рассказов о

гражданской войне написана Ис. Гольдбергом в приключенческо-романтическом ключе — ключе, отомкнувшем сердца миллионов читателей, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания произведений этого яркого писателя.

Писал Ис. Гольдберг не только о гражданской войне. Есть у него романы об индустриализации Сибири «Поэма о голубой чашке» и «Главный штрек», роман о колхозном движении «Жизнь начинается сегодня». Они в свое время тоже имели определенный читательский успех. И все-таки в историю литературы Ис. Гольдберг вошел прежде всего как автор оригинальных рассказов о гражданской войне, один из которых мы сегодня вновь воспроизводим на страницах нашего журнала.

1. Волчий поход.

Под Иркутском (где, в звенящем морозном январе, багрово плескались красные полотнища) пришлось свернуть в сторону: идти снежным рыхлым проселком, от деревни к деревне, наполняя их шумом похода, криками, беспорядком.

Отряд растягивался версты на полторы. Скрипели розвальни, на которых наспех был навален военный скарб, тяжело грузли в разжеванном, побуревшем снегу кошевки, где укутанные одеялами, в дохах, озябшие, молча и хмуро сидели офицеры. Позванивали пулеметы на санях, лениво и нехотя волочились два орудия (остатки батареи). И между санями, розвальнями, позади и спереди кошев хмуро шагали солдаты, взвалив на плечи небрежно (как лопаты) винтовки, покуривая и переругиваясь.

На остановках в деревнях, деревенские улицы загромождались возами, в избах становилось душно, как в бане, над крышами клубились густые дымы. А крестьяне, сжимаясь и присмирив, опасливо поглядывали на гостей, которые вели себя хозяевами: властно, с окриками, не терпя возражений.

В деревнях съедали всех кур, свиней, били скотину, разоряли зароды сена, выгребали хлеб. А перед уходом сгоняли крестьянских лошадей и, отбирая лучших, сильных, оставляли мужикам своих заморенных, со впавшими боками, обезноженных, умирающих.

И некоторые хозяева, обожженные отчаяньем (Гнедка уводят!) шли потом следом за отрядом, шли упорно, молчаливо, чего-то выжидая, на что-то надеясь.

На остановках, в некоторых избах (чаще всего там, где устраивались шумные и дерзкие красильниковцы), вспыхивали песни, звенела гармошка, в избу из избы шмыгали хлопотливые и раскрасневшиеся бабы. И возле таких изб лениво толпились оборванные иззябшие солдаты: слушали, переговаривались, завидовали.

Рано утром с грохотом, с шумом просыпались, будили хребтовую тишину

криками, редкими выстрелами, пением (звонко тянется извилистая нить в морозном воздухе) трубы, конским ржанием. Беспорядочно, обгоняя друг друга, вытягивались на дорогу. И верховые-красильниковцы (с потускневшими черепами и скрещенными костями на обмызганных драных пасхах) наезжали на пешех, злобно скаля зубы и замахиваясь нагайками.

Выбирались в грохоте, шуме (словно, ярмарка в самом разгаре) из деревни, выходили на узкую, неужазную дорогу, взрыхляли снег по ясным чистым обочинам, растягивались грязной, волнующейся, шумливой полосой.

Шли торопливо, от чего-то уходя, чему-то не доверяя. И порою слышали: над смутным шумом многолюдья, над дорогой, над снежной зимней тайгой вдруг из-за хребта протянется комариный гуд.

Там, в стороне, ближе к городам, кричали паровозы.

Тогда почти весь отряд на мгновение замирал, и жадные уши ловили потерянный и недостижимый протяжный звук.

Когда уходили версты две от деревни, из распадков осторожно выходили волки. Они выходили на следы, обнюхивали их; они приостанавливались, слушали, потом снова шли. Изредка они начинали выть — протяжно, глухо, упорно. И на этот вой из новых распадков выходили другие волки, присоединялись к ним, шли с ними, останавливались, выли...

В деревнях, мимо которых проходил шумным неумным потоком отряд, слышали этот упорный волчий зык. Деревни настораживались. Деревни суеверно крестились...

2. Зеленые ящики.

В кажущемся беспорядке, висевшем над отрядом, было нечто организующее, спаивавшее всех единой волей, пролагавшее какую-то непреходимую грань в этом хаосе. Были начальники (на которых издали поглядывали злобно и настороженно), был штаб, который вырабатывал невыполнимые планы, который что-то обсуждал, что-то решал. Были начальники отдельных частей, друг друга ненавидевшие, один другому не доверявшие. Были старые кадровые офицеры, кичившиеся своей военной наукой и кастой; были только что произведенные в офицеры, уже нахватавшие чинов, бахвалившиеся личной отвагой и дерзостью. Были привилегированные конные части («гусары смерти», «истребители»), набившие руку на карательных набегах; были мобилизованные, плохо обученные пехотинцы: одни щеголяли хорошим оружием и были снабжены всем, другие волокли на себе винтовки старого образца, тяжелые и ненадежные, и были плохо одеты, и у них было мало патронов.

Среди военных в отряде вкраплены были (обветренные, обмороженные, брюзжащие) какие-то штатские. Они тянулись в собственных кошевах-кибитках, у них много было чемоданов и узлов. На остановках они бегали в